

НАШЬ СОЛДАТЬ ВЪ ПѢСНЯХЪ, СКАЗАНІЯХЪ И ПОГОВОРѢХЪ.

ЕТРОМЪ Великимъ создана рекрутчина, происходящая отъ нѣмецкаго слова, перенесшая къ намъ нѣмецкія воззрѣнія на воина,—та рекрутчина, о которой нашъ народъ говорилъ въ свое время: у царя есть колоколъ на всю Русь. Да, лучше трудно выразить весь характеръ и все значеніе рекрутскихъ наборовъ, вполнѣ заслужившихъ название колокола: этотъ колоколъ дѣйстви-

тельно звонилъ на всю Россію, звонилъ такъ, что при первомъ ударѣ его пробѣгалъ трепетъ по крестьянской душѣ, содрогался весь крестьянскій людъ отъ малаго до взрослаго. Какъ грозная туча шелъ наборъ, неся съ собой въ семи слезы, неутѣшное горе, безъисходныя страданія. Красная шапка являлась чуть ли не страшнѣ краснаго пѣтуха.

Живы еще въ нашей памяти годы, когда звукъ упомянутаго колокола доносился до горныхъ заводовъ, въ которыхъ прошло наше дѣтство. «Наборъ, наборъ!»—тайственно и съ невыразимымъ страхомъ шепталась дворня, и мнѣ, ребенку, вслѣдствіе этого, наборъ представлялся какимъ-то чудовищемъ, съ огненными глазами, съ безконечно длиннымъ хвостомъ, сметавшимъ все попадавшееся ему на пути. Помню цѣлые партіи, проходившія мимо нашего дома въ кандалахъ, подъ карауломъ солдатъ, а сзади огромная толпа, по-преимуществу, женщинъ, причитавшихъ и плакавшихъ раздирающимъ душу голосомъ. Благодареніе Богу, что всѣ эти картины отошли въ область исторіи.

Бѣдствія народа, порожденныя наборами, начались съ момента появленія ихъ, т. е. со времени Петра, и продолжались вплоть до введенія всесословной воинской повинности.

Великій Преобразователь имѣлъ свои основательныя, экономическая и политическая причины создать наборы, но, къ сожалѣнію, ихъ непригодность для нашей жизни сказалась очень скоро.

Въ 1716 году, былъ изданъ воинскій уставъ. Въ самомъ началѣ его говорится слѣдующее: «Понеже всѣмъ есть известно, коимъ образомъ отецъ нашъ въ 1647 году, началъ регулярное войско употреблять, и уставъ воинскій изданъ былъ. И тако войско въ такомъ добромъ порядкѣ учреждено было, что славныя дѣла въ Польшѣ показаны и едва не все Польское королевство завоевано было. Также купно и со шведами война ведена была». Говоря далѣе о томъ, къ чему привело небреженіе по отношенію устройства войска послѣ царя Алексея Михайловича, Петръ продолжаетъ: «Но потомъ, когда войска распорядили, то какіе великие прогрессы съ помощію Высшаго учинили, надѣ какимъ славнымъ и регулярнымъ народомъ! И тако всякъ можетъ разсудить, что не отъ чего иного то послѣдовало, токмо отъ доброго порядка, ибо все беспорядочной варварской обычай смѣху есть достойный и никакого добра изъ онаго ожидать возможно. Того ради, будучи въ семъ дѣлѣ самовидцы обоимъ, за благо избрали сію книгу воинскій уставъ учинить, дабы всякий чинъ зналъ свою должностъ и обязанъ былъ своимъ званиемъ и невѣдѣніемъ не отговариваться, еже чрезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено». Такимъ образомъ воинскій уставъ, имѣвшій цѣлью устройство регулярнаго войска, такъ сказать, закрѣпилъ всѣ новые порядки, введенныя Петромъ, по отношенію къ нашей арміи. Появились вмѣстѣ съ этими порядками не виданныя и не слыханныя на Руси собственно военные преступленія и соединенные съ ними суды и наказанія. Нѣмецкая военная дисциплина разросталась и укрѣплялась съ каждымъ царствованіемъ; дисциплина болѣе чѣмъ суровая, жестокая, столь гармонирующая съ духомъ нѣмецкой природы. Въ этомъ уставѣ за многія преступленія назначается лишеніе живота или жестокимъ наказаніемъ наказать, а именно шпицрутенами. Встрѣчается и такая формула: «оный имѣть живота лишенъ аркибузированіемъ будетъ». Для рядовыхъ, сверхъ упомянутыхъ наказаній, есть посаженіе въ желѣза. Заувѣчье себя полагалось ноздри распороть и потомъ на каторгу сослать. За кражу жалованья солдатскаго, провіанта — живота лишить. Определено вѣшать за побѣги изъ полковъ. Ежели рекрутъ прежде года своей службы въ полку побѣжитъ, то онаго за первый побѣгъ бить шпицрутенами чрезъ полкъ по три дни по разу. А когда въ другой разъ побѣжитъ или болѣе году кто въ службѣ оныхъ вмѣсто смерти бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри предъ полкомъ, сослать въ вѣчную работу на галеры. Надлежащимъ обра-

зомъ наказаны должны быть, какъ выражается уставъ, не только бѣглые рекруты, но и скрывающіе ихъ у себя. «Якоже достойно есть, чтобы оные жестоко были наказаны, которые таковыхъ бѣглыхъ (т. е. рекрутъ и солдатъ) скроютъ и онымъ пропитаніе да-дуть, такожде зѣло потребно есть, чтобы военный судъ, когда о де-зертирѣ приговоръ учинить имѣеть, подлинно розыскаль: гдѣ и у кого онъ во время своей отбытности жилъ, дабы о томъ въ над-лежащемъ мѣстѣ извѣщено и опредѣлено было, дабы оный, который его скрылъ, надлежащимъ образомъ наказанъ былъ». Шпицрутены полагаются рядовыми за многія преступленія и проступки, даже за простую драку въ пиру.

Въ воинскомъ уставѣ, въ отдѣлѣ экзерциціи, подробно изложено солдатское ученье, съ самой сложной командой, усвоить которую рекрутъ возможно было лишь съ огромными усилиями, слѣдовательно понятно, что, помимо другихъ причинъ, рекруты и солдаты бѣжали и отъ учбы, какъ выражаются пѣсни.

Приводимъ одинъ образецъ команды: 1) клади на мушкетъ руку, 2) подвьсь мушкетъ, 3) мушкетъ на карауль; 1) мушкетъ предъ себя, 2) бери за дуло, 3) мушкетъ къ ногѣ; 1) опусти руку по мушкету, 2) выступи правой ногой, 3) положи мушкетъ и т. д.

Какое битье рекрутовъ должно было совершаться при такой учебѣ! Съ теченіемъ времени эта учеба обратилась въ систематическое и беспощадное колоченіе, а страшные шпицрутены—въ зеленую улицу, т. е. русскій человѣкъ, по свойству своей природы, передѣлалъ нѣмецкое название на русскій ладъ, не будучи въ состояніи воздержаться отъ роднаго юмора даже въ томъ случаѣ, когда его полумертваго, прошедшаго нѣсколько разъ по зеленой улицѣ, носили на рукахъ и добивали положенное число нѣмецкихъ шпицрутеновъ.

Уже въ 1719 году, слѣдовательно очень скоро послѣ введенія рекрутчины и изданія воинскаго устава, военная коллегія пригово-рила: «Хотя неоднократно въ губерніи были посланы и публикованы указы о порядочномъ сборѣ и приводѣ рекрутъ, однако эти указы, по большей части, не исполняются, отъ чего происходит немалое государству раззореніе и въ полкахъ неисправность, а именно: 1) когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала изъ домовъ ихъ выведутъ скованныхъ и, приведши въ городъ, держать въ великой тѣснотѣ по тюрьмамъ и острогамъ немалое время, и такимъ обра-зомъ, еще на мѣстѣ изнуривъ, отправлять, не разсуждая по числу людей и далекости пути съ однимъ, и то негоднымъ, офицеромъ или дворяниномъ, при недостаточномъ пропитаніи; къ тому же по-ведутъ, упустивъ удобное время, жестокою распутицею, отъ чего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни и помираютъ безвременно, а всего хуже, что многіе и безъ покаянія, другіе же, не стерпя та-кой великой нужды, бѣгутъ и пристаютъ къ воровскимъ компа-

ніямъ, изъ чего злѣйшее приключается государству раззореніе, потому что отъ такого худаго распорядка ни крестьяне, ни солдаты, но раззорители государства становятся; всякий можетъ разсудить, отъ чего такія величія умножились воровскія вооруженныя компаніи? отъ того, что бѣглые обращаются въ разбойниковъ». Бѣжали цѣлые команды отъ тягостей и страданій рекрутской и солдатской жизни, проистекавшихъ отъ разныхъ чиновниковъ, грабившихъ попадавшія въ ихъ руки части войскъ. Петръ, какъ извѣстно, не задумывался надъ крутыми мѣрами, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить знаменитый его указъ, которымъ объявлялось, во всеобщее свѣдѣніе, «что ежели кто такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей (т. е. взяточниковъ и воровъ казенныхъ денегъ) вѣдѣтъ, и тѣ бѣ люди безо всякаго опасенія прїѣзжали и объявляли о томъ самому его царскому величеству, только чтобъ доносили истину; а кто на такого злодѣя подлинно донесетъ, тому за такую его службу богатство такого преступника движимое и недвижимое отдано будетъ, а буде достоинъ будетъ, дастся ему и чинъ его; а сіе позволеніе дается всякаго чина людямъ, отъ первыхъ даже и до землемѣльцевъ, время же къ доношенню отъ октября мѣсяца по мартъ».

Тяжкое наказаніе несли рекруты и солдаты за побѣги, чиновники за взяточничество, но первые бѣжали, а послѣдніе воровали; воровали даже близко стоявшіе къ самому царю. Разбойничіи шайки, умножившіяся бѣглыми солдатами и рекрутами, возросли до такой степени, что противъ нихъ приходилось высыпать цѣлые воинскія команды. Для поимки бѣглыхъ рекрутъ учреждены были заставы отъ Москвы до Смоленска. Отъ разбоевъ нерѣдко останавливались рекрутскіе наборы.

Воинскій уставъ Петра I и порядки, введенные по отношенію къ рекрутскимъ наборамъ, существовали до 1839 года, когда упомянутый уставъ былъ замѣненъ сводомъ военныхъ постановленій и новыми рекрутскими постановленіями; но существо дѣла мало измѣнилось отъ упомянутыхъ новыхъ законоположеній. И побѣги рекрутъ, и такъ называемое чреновредительство, практиковавшееся рекрутами, получившее свое начало при Петрѣ, о чемъ упоминается въ воинскомъ уставѣ, продолжались попрежнему, какъ продолжалось и дезертирство, т. е. побѣги солдатъ.

Начавшееся при Петрѣ движеніе противъ рекрутскихъ наборовъ и противъ всяческихъ безобразій военного начальства продолжалось и во всѣ послѣдующія царствованія, т. е. побѣги не только не уменьшались, но постепенно увеличивались. При Аннѣ Ивановнѣ получаютъ особенное значеніе иностранные офицеры, различные проходимцы изъ Германіи и остзейскихъ губерній: сапожные, портняжные мастера и подмастерья, гезели, которые, при посредствѣ вліятельныхъ нѣмцевъ, обращались въ поручиковъ, ка-

питановъ и маіоровъ. Биронъ мечталъ о томъ, чтобы создать полкъ съ одними иностранными офицерами, т. е., чтобы ни одинъ русскій офицеръ въ этотъ полкъ поступать не могъ. Офицеры изъ иностранцевъ, какъ извѣстно, получали двойное жалованье противъ русскихъ. Всѣ эти проходимцы относились съ величайшимъ презрѣніемъ къ нашему солдату, считая его какимъ-то прокаженнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, крѣпко давали чувствовать свое презрѣніе цѣлымъ рядомъ тяжкихъ истязаній, на которыхъ такъ способенъ обозлившійся нѣмецъ. Нѣмцы-начальники на столько пришлись солоны солдатамъ, что въ царствованіе императрицы Елизаветы, когда они оказались не въ фаворѣ, послѣдовали многіе случаи избѣженія въ Петербургѣ офицеровъ изъ нѣмцевъ, чemu также немало способствовала распущенность гвардіи, игравшей такую видную роль со времени смерти Петра I, ибо весь періодъ времени отъ Петра до вступленія на престоль Александра I можно безошибочно назвать періодомъ придворной революціи, которая совершилась при посредствѣ гвардіи и барь. Чего стоили Россіи одни лейбъ-кампанцы! Историкъ Соловьевъ говоритъ, «что чаще всего заводчиками безпорядковъ, виновниками преступленій являлись люди изъ войска; сила, даваемая оружиемъ, вела грубыхъ людей къ тому, чтобы пользоваться этой силой противъ безоружныхъ согражданъ».

Бѣглые солдаты и рекрутъ показывали, при допросахъ, что покупали паспорты у разныхъ невѣдомыхъ бурлаковъ. Разбой въ царствованіе Елизаветы непомѣрно усилился какъ въ городахъ, такъ и деревняхъ. Нѣкоторые города, безъ преувеличенія, находились въ осадномъ положеніи. Матеріальное положеніе рекрутовъ и солдатъ гдѣ доброе старое время очень живо рисуется въ запискахъ генерала кригсъ-коммиссара князя Шаховскаго, который объясняетъ, куда дѣвались 19,517 человѣкъ рекрутовъ, о которыхъ сенатъ спрашивалъ военную коллегію. Оказалось, что они перемерли отъ эпидемическихъ болѣзней, оставленные безъ всякой медицинской помощи. Отправлены они были въ генеральный госпиталь, но ихъ въ оный, за опасностію, не приняли, и велѣно было везти ихъ обратно въ команду. Князь Шаховской, по поводу своей встрѣчи съ ними на большой дорогѣ, пишетъ: «Я, увида жалкое тѣхъ несчастныхъ состояніе, въ числѣ коихъ нѣсколько ужъ полу-мертвыми казались, приказалъ обратить назадъ, обнадежа, что ихъ тамъ помѣщу». Но надежда князя не оправдалась: госпиталь оказался биткомъ набитымъ больными солдатами и рекрутами въ жестокихъ лихорадкахъ и прилипчивыхъ горячкахъ, по выражению Шаховскаго. «Не только всѣ покой, но и сѣни были наполнены больными, и отъ тѣсноты сдѣлалась великая духота, а для холоднаго времени отворять окна не можно, и такъ не токмо они одинъ отъ другаго заражаются, но и здоровые, призрѣніе и услуженіе

имъ дѣлающіе, отъ того впадаютъ въ болѣзни. Присланный съ тѣми больными унтеръ-офицеръ, — прибавляетъ Шаховской, — просилъ меня о приемѣ оныхъ, показывая изъ числа тѣхъ въ пути нѣсколько уже мертвыхъ, а другихъ въ прежалостномъ состояніи на стужѣ дрожащихъ».

Поневолѣ слѣдовательно солдаты и рекрутъ бѣжали отъ подобныхъ жизненныхъ условій, когда каждый изъ нихъ, даже въ бѣдной крестьянской обстановкѣ, былъ избавленъ отъ вышеописанныхъ нами муки, т. е., во всякомъ случаѣ, никому изъ нихъ въ своей деревнѣ не пришлось бы въ горячкѣ лежать на морозѣ.

При Петрѣ III послѣдовала передѣлка арміи на прусскій ладъ: мундиры заведены прусскіе, команда прусская, полкамъ даны названія не по городамъ, а, согласно прусскому обычаю, по ихъ шефамъ. Ко всему вышеизложеному извѣстный Болотовъ прибавляетъ въ своихъ запискахъ: «А сверхъ того, вводя уже во всемъ наистроявшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ (войска) ежедневно экзерцироваться, не смотря какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и, огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, и особенно отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе».

Съ теченіемъ времени управлѣніе полками приняло характеръ совершенного кормленія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нажива отъ полковъ болѣе и болѣе принимала строгообдуманную, приведенную въ полный порядокъ систему. Особено сильно такое кормленіе отъ полковъ развились въ царствованіе императора Николая. Въ 1854 году, на Кавказѣ, Муравьевъ нашелъ 40,000 солдатъ, которые, числясь на полномъ казенномъ содержаніи, работали на начальство или отпускались въ постороннія работы за извѣстный оброкъ. Въ полку, бывало, человѣкъ 600 работало исключительно на полковаго командира. Вообще, трудно перечислить разнообразныя крѣпостныя отношенія, въ какія низшіе становились къ высшимъ, по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ. Военные, въ этомъ случаѣ, какъ мы видимъ, не составляли исключенія. Замѣтимъ также, что всякій вновь опредѣлявшійся командиръ полка отчетливо и вѣрно зналъ цифру дохода, на которую можно было разсчитывать, при командованіи полкомъ. Солдаты, знаяшіе какое нибудь ремесло, работали на отца-командира за рюмку водки или за спасибо. Обкрадываніе солдатскаго содержанія, овса, сѣна для лошадей составляло такое обычное явленіе, что ему никто не удивлялся, какъ будто таковое явленіе было самымъ законнымъ дѣйствіемъ. Отсюда, разумѣется, неизбѣжно должно было вытекать донельзя легкое отношеніе солдата къ чужой собственности. Трудно было солдату убѣдиться, напримѣръ, въ гнусности воровства, если этимъ воровствомъ онъ поддерживалъ свое существованіе. Кому не извѣстно, что похищеніе съѣстныхъ припасовъ составляло, въ свое

время, обычное преступлениe солдатъ, вѣчно полуголодныхъ, измученныхъ различными работами и ученьями. Ко всему сказанному необходимо присовокупить, что наказанія рекрутовъ и солдатъ, подъ вліяніемъ постоянно возроставшаго въ начальствѣ убѣжденія, что только битьемъ и всяческими чувствительными для тѣла истязаніями можно поддерживать дисциплину, съ теченіемъ времени, наказанія дошли до *maximum*, идти дальше котораго едва ли было возможно. Существовавшее убѣженіе, что дисциплина поддерживается только строгостью, конечно, не выдерживало критики: чувство страха образуетъ раба, но никакъ не способствуетъ образованію въ человѣкѣ чувства благородного самолюбія, сознанія собственнаго достоинства, безъ чего полезный для общества дѣятель не мыслимъ. Палкой вобъенъ не сознаніе святости возложенной на человѣка служебной обязанности, а только стремленіе какимъ бы то ни было способомъ отдѣляться отъ этой обязанности или исполнить ее такъ, чтобы она казалась исполненной.

Мы видѣли изъ выше приведенного исторического очерка, на сколько военная служба нравственно губила солдата; видѣли, что рекруты являлись не слугами отечества, а какими-то преступниками, которыхъ ковали въ кандалы, содержали въ острогахъ, словомъ, съ которыми обращались, какъ съ осужденными на казнь, а не какъ съ людьми, призванными на святое дѣло защиты отечества. Во всѣ царствованія, вплоть до времени Александра Освободителя, ни разу не промелькнула даже мысль о необходимости вліять на рекрута и солдата просвѣщеніемъ ихъ внутреннихъ душевныхъ свойствъ. Мало того, если бы подобная мысль даже была только высказана въ прежнее время, то, конечно, ее признали бы достойной самыхъ тяжкихъ преслѣдований. Исторія цивилизаціи общества представляетъ иногда неразгаданныя, чудныя явленія.

Результатомъ подобной печальной исторіи рекрутчины и солдатства, конечно, и могли быть только побѣги и различныя преступленія, каковые побѣги и породили множество правительственныхъ распоряженій о поимкѣ бѣглецовъ.

Народъ очень хорошо зналъ солдата, со всѣми его склонностями, какъ знаетъ онъ многое, что мы предполагаемъ ему неизвѣстнымъ; зналъ и всѣ тяжелыя условія солдатской жизни. Поэтому-то рекрутчина и представлялась ему невыразимо тяжкимъ наказаніемъ. Лучшимъ доказательствомъ того, на сколько народъ зналъ солдата, со всѣми его душевными свойствами, и всѣ условія солдатской жизни, понималъ причины, порождавшія въ солдатѣ тѣ или другіе недостатки, служать созданныя имъ, народомъ, поговорки, представляющія краткую, но какъ нельзя болѣе вѣрную исторію солдатства. Затѣмъ, солдатъ еще болѣе уяснится намъ, когда мы разсмотримъ его въ пѣсняхъ, имъ сочиненныхъ, и въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ. Причемъ считаемъ нужнымъ присовокупить,

что наша вышеупомянутая задача ограничена журнальнымъ объемомъ, вслѣдствіе чего характеръ нашего изслѣдованія далекъ отъ того, чтобы могъ быть названъ научнымъ.

Во-первыхъ, солдатъ — казенный человѣкъ, т. е. человѣкъ, совершенно отдѣлившійся отъ крестьянскаго міра, тѣломъ и душой принадлежащій казнѣ. Всѣ его прежнія отношенія не только къ крестьянству, но даже и къ его семейству прекратились. Мало того, солдатскія жены, солдатскія дѣти — отрѣзанные отъ міра ломти. Солдатъ отрѣзанный ломть; солдатская жена — ружье; солдатскій братецъ — ранецъ; солдату отецъ — командиръ; мать и махича — служба; опричъ матери родной — вся родня въ полку (братья, дяди и проч.). Ясно, значитъ, что семейныя связи въ прежней службѣ у солдата порывались; служба создавала ему другую семью и родню. Отцы, матери, сестры, братья рекрута вполнѣ были убѣждены въ упомянутомъ порваніи семейной связи, чѣмъ и объясняется ихъ безъисходное горе при словѣ, раздававшемся въ рекрутскомъ присутствіи: лобъ!

Народъ хорошо зналъ, что поповскія дѣти должны быть попами, а солдатскія — солдатами: попъ попа родитъ, солдатъ солдата (солдатскія дѣти, по прежнимъ законамъ о кантонаистахъ). Не за видно было солдатское житье, какъ мы видѣли, и кто заботился о немъ? Солдатъ да малыхъ ребятъ Богъ бережетъ. Въ этой короткой поговоркѣ вся печальная исторія прежняго солдатства, дѣйствительно только на Бога полагавшаго свои надежды; стой, не шатайся, ходи, не спотыкайся, говори, не заикайся, ври, не завирайся. Характерно — это ври, не завирайся. То есть ври, если нужно, только осторожно, съ оглядкой, чтобы не уличили во враньѣ; колѣней не подгибай, да брюха не выставляй, да не относи заду, тянишь да прямись, а въ бокъ не задавайся. Въ этихъ поговоркахъ, созданныхъ непосредственно солдатами, обрисовывается вся старая система обученія военному дѣлу, державшаяся на вытягиваніи носковъ, шагистикѣ и тому подобныхъ приемахъ и на такомъ принципѣ взысканій за дурное исполненіе: не дошагнешь — бьютъ; перешагнешь — бьютъ; не довернешься — бьютъ; перевернешься — бьютъ. Солдатъ, такъ сказать, былъ предоставленъ собственнымъ своимъ заботамъ о своей личности. Живи какъ знаешь, питайся какъ знаешь, но къ дѣлу будь готовъ.

Вслѣдствіе такого положенія, требовавшаго постояннаго напряженія ума, постоянной заботы объ улучшеніи своей жизненной обстановки, въ солдатъ развилась необыкновенная смѣтка, ловкость, находчивость и, въ извѣстномъ отношеніи, смѣлость, безъ которой ничего не урвешь, ничего не сташишь.

Ко всему сказанному необходимо прибавить, что солдатъ — человѣкъ бывалый, его не удивишь никакими рассказами, ибо на

своемъ вѣку видаль виды: ёдалъ и пшеничный хлѣбъ, пивалъ настоящее нѣмецкое пиво, виноградное вино и ёдалъ за копейки самыи виноградъ; случалось, сиживалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ на одномъ хлѣбѣ и водѣ и даже совсѣмъ безъ хлѣба, питаясь чѣмъ Богъ послалъ, какъ птица небесная. Не дорога солдату жизнь, въ большинствѣ случаевъ полная бѣдъ и лишений. Вотъ почему пьяный солдатъ перейдетъ по льду, а собака провалится; гдѣ коза прошла, тамъ и солдатъ пройдетъ. Требованія на житейскія удобства у него невелики: гдѣ тѣсно, тамъ-то солдату и мѣсто; солдатъ шиломъ брѣется, дымомъ грѣется; служивый—что муха: гдѣ щель, тамъ и постель, гдѣ заборъ, тамъ и дворъ; у него шило брѣеть, а шубы нѣтъ, такъ палка грѣеть.

Не злится солдатъ за палку, такъ много гулявшую въ старое время по его спинѣ, а подсмѣивается самъ надъ собой.

Терпѣливъ и выносливъ русскій человѣкъ. Порвавъ всѣ связи съ женой и дѣтьми и зная, что втеченіе долгихъ десятковъ лѣтъ ему не приведется видѣть ихъ, солдатъ не стѣснялся въ своемъ образѣ жизни, и потому, гдѣ ни пожилъ, тамъ и расплодился; у нашего солдата вездѣ свои ребята. Въ поговоркахъ подмѣчены не только важные, съ нравственной точки зрѣнія, пороки солдата и вообще его душевныя свойства, но даже нѣкоторыя привычки, сопровождавшія и сопровождающія его на длинномъ служебномъ пути: коли не дать солдату кольевъ въ стѣну набить, такъ ему и не квартира. Дѣйствительно такова, какъ нельзя болѣе вѣрная, солдатская повадка. Прежде всего во всякомъ новомъ помѣщеніи солдатъ развѣшиваетъ казеннную амуниciю, чтобы она находилась, согласно уставу, въ должномъ порядкѣ. Эту привычку, какъ видно изъ одного народного сказанія, солдатъпускаетъ въ ходъ и въ адъ, куда онъ попалъ по своимъ грѣхамъ. Набиль въ стѣну кольевъ, развѣсиль амуниciю и закуриль трубочку; сидить, сплевывая по сторонамъ и кричить на чертей не своимъ голосомъ: «Не подходи близко! аль не видишь, что виситъ казенная амуниciя!» Черті не знали, какъ и отблѣваться отъ солдата. Нагналь онъ на нихъ великий страхъ. Наконецъ, одному чертенку пришла мысль забить походъ въ барабанъ. Солдатъ, услыхавъ походъ, въ минуту собралъ все имущество и со всѣхъ ногъ кинулся бѣжать изъ пекла.

Цѣлый рядъ поговорокъ рисуетъ намъ печальное свойство солдата тащить и красть при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ этихъ поговоркахъ—вся грустная исторія прежней солдатской жизни, порожденная, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, тяжелыми условиями, при которыхъ проходила служба солдата. Солдатъ—что волкъ: гдѣ попало, тамъ и рветъ; не за то бьютъ солдата, что крадетъ, а чтобы концы хоронилъ; солдата за все

бъютъ, только за воровство не бъютъ. Послѣднія двѣ поговорки цѣликомъ взяты изъ жизни: полковые, ротные и другіе командини, сплошь да рядомъ, покрывали воровство своихъ командъ, если только солдатъ умѣль хоронить концы, и крѣпко били за неумѣлость чисто обѣльвать дѣло. Солдатъ накралъ, слѣдовательно съѣсть, а коли съѣсть, значитъ, и судьбой своей доволенъ, какъ довольны и отцы-командиры. Все обстояло благополучно, кромѣ нравственнаго чувства солдата. Солдатъ—багоръ: что зацѣпилъ, потащилъ; сорвалось—не удалось; не видалъ ли тутъ солдата? да коли что украдено, такъ видѣлъ; солдатъ ухватить, а коли поймаютъ—нешто это твое, говорить; а твое, такъ возьми. Какое безстыдство приписывается въ этихъ поговоркахъ солдату, который обрисовывается способнымъ на самую наглую ложь, на самыя безстыдныя дѣйствія! Чувствуешь, что такого молодца ничѣмъ не заставишь покраснѣть; поневолѣ повѣришь, что солдатъ—безстыжіе глаза, что онъ только на морозѣ да на огнѣ краснѣетъ. Чрезъ тяжкую школу долженъ быть пройдти нашъ солдатъ, чтобы дойти до такого нравственнаго растѣнія; тѣмъ болѣе поразительно такое явленіе, что солдатъ вышелъ изъ среды народа, отличающагося нравственнымъ чутьемъ, высокимъ пониманіемъ правды и всего ея великаго значенія на землѣ. Неудивительно послѣ этого, что нашъ народъ считаетъ солдата какимъ-то отдельнымъ отъ себя, совершенно другимъ существомъ, не имѣющимъ съ нимъ, съ народомъ, ни малѣйшей связи. И народъ правъ въ данномъ случаѣ, ибо дѣйствительно солдатъ—человѣкъ другаго міра по своей дѣятельности, взглядамъ, привычкамъ, интересамъ и цѣлямъ въ жизни.

У солдата нѣтъ кармановъ, а все спрячетъ; солдатъ—добрый человѣкъ, да шинель его хапунъ; у солдата шинель—постель, шинель—кошель, а руки—крикі; хоть ложку деревянную, а украсть что нибудь съ постою надо. Въ то же время нашъ народъ, всегда снисходительный къ немощамъ близняго, сознаетъ, что солдатъ нравственно испорченъ не по природѣ, а въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, всегда губительно дѣйствующихъ на нравственную природу людей. На этомъ основаніи народъ и говоритъ: солдату не грѣхъ поживиться; солдату не укraсть, такъ негдѣ взять; солдату три деньги въ день, куда хочешь, туда ихъ дѣнь.

Мы не имѣемъ возможности, по объему нашей статьи, коснуться многихъ историческихъ документовъ, которые представили бы несравненно большее количество фактovъ, чѣмъ представили мы, доказывающихъ цѣлый рядъ дѣйствій, самыхъ разнообразныхъ лишеній, пережитыхъ нашими солдатами со времени учрежденія регулярной армії до вступленія на престолъ императора Александра II. Остается только удивляться, какимъ образомъ хватило

внутреннихъ силъ у нашего народа вынести на себѣ рекрутчину и солдатчину, со всѣми ихъ тяжкими послѣдствіями. И въ то же время солдаты, не имѣя ни малѣйшаго понятія о причинахъ цѣлаго ряда войнъ, дрались на славу, принося отечеству новыя побѣды, новые земельныя пріобрѣтенія. Минихъ, полководецъ талантливый, суровый съ солдатами, не щадившій ихъ жизни, чтобъ солдаты высказывали громогласно, говоривъ, когда ему представляли невозможность исполнить то или другое военное дѣйствие: «Ахъ, батушка, батушка, для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго.» И такие-то солдаты переносили голодъ, холодъ, мерзли больные на морозѣ. Послѣ всего нами вышеизложеннаго, представляется совершенно понятнымъ, почему рекрутскій наборъ производилъ на народъ такое потрясающее дѣйствие, почему рекруты дезертировали цѣлыми командами.

Въ народной памяти сохранились, полныя высокаго драматизма, необыкновенно сильнаго чувства скорби, пѣсни рекрутовъ. Какъ поэтичны и художественны эти пѣсни! Читая ихъ, глубоко чувствуешь, что страданія рекрута идутъ изъ самыхъ отдаленныхъ тайниковъ его души, что эти пѣсни являются естественнымъ послѣдствиемъ глубоко сознанного горя, ожидающаго его въ будущемъ. Всѣ рекрутскія пѣсни составляютъ, за весьма ничтожными исключеніями, самый поэтическій отдѣль напей народной литературы.

Сколько драматизма, задушевности, напримѣръ, въ слѣдующей пѣснѣ:

Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались.
 Какъ заслышали мои кудерушки на себя невзгоду,
 Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
 Что ужъ быть-то мнѣ, добру молодцу, во солдатахъ,
 Что служить-то мнѣ, добру молодцу, государю,
 Что стоять-то мнѣ, добру молодцу, въ караулѣ.
 Вотъ стоялъ я, добрый молодецъ, въ караулѣ,
 Пристоялись мои скоры ноги;
 Какъ задумаль я, добрый молодецъ, задумаль бѣжати.
 Что бѣжалъ я, добрый молодецъ, не путемъ-дорогой,
 А бѣжалъ я, добрый молодецъ, темными лѣсами.
 Во темныхъ лѣсахъ, добрый молодецъ, весь я ободрался,
 Подъ дождемъ я, добрый молодецъ, весь я измочился,
 Прибѣжалъ я, добрый молодецъ, къ своему подворью.
 Прибѣжалъ я, добрый молодецъ, подъ окномъ я постучался:
 — «Ты пусти, пусти, сударь батюшка, обеушиться,
 «Ты пусти ль, пусти, родимая матушка, обогрѣться».
 — «Я бѣ пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя;
 «Ты поди ль, поди, мое дитятко, во чисто поле;
 «Что буйнымъ вѣтромъ, мое дитятко, тебя тамъ обсушить,
 «Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, обогрѣть».

Какъ пошелъ я, добрый молодецъ, самъ заплакалъ.
— «Ужъ возьмись загоритесь вы, батюшкины хоромы,
Ужъ ты сгинь, пропади, матушкино подворье».

Спрашиваемъ: можно ли рельефнѣе¹, сильнѣе и, такъ сказать, страшнѣе представить весь трагизмъ положенія дезертира, бѣжавшаго со службы, съ тѣмъ, чтобы спастись отъ ея тягостей и вздохнуть отъ пережитыхъ, во время бѣгства, страданій, подъ кровомъ родительского дома. Могъ ли онъ хотя на минуту усомниться въ родительской любви, и особенно въ любви матери, единственной неизмѣнно твердой любви на землѣ. Но и материнская любовь не устояла противъ страшныхъ послѣдствій, соединенныхъ съ принятиемъ бѣглого солдата. «Если материнская любовь измѣнила,—думаетъ сынъ,—то нѣть болѣе никакой надежды: преступленіе, т. е., побѣгъ, совершено; все погибло, погибла и любовь матери, то загоритесь же вы, батюшкины хоромы, сгинь, пропади, матушкино подворье»!

Достаточно проникнуться духомъ этой страшной драмы, чтобы безъ подтвержденія со стороны исторіи понять, что значили въ свое время рекрутчина и солдатство. Замѣтимъ, что приведенная нами пѣсня одинаково относится какъ къ рекрутскимъ, такъ и солдатскимъ пѣснямъ, хотя, сколько видно изъ содержанія, герой ея рекрутъ, только-что сдѣлавшійся солдатомъ, и потому ее ближе отнести къ рекрутскимъ.

Сохранились пѣсни, по которымъ можно возсоздать весь былой процессъ приема въ рекруты. Въ нихъ упоминаются и кандалы, и бритые головы.

Что куютъ-то меня, добра молодца, куютъ во желѣзы,
Посадили меня добра молодца во козырныя сани,
Привезли-то меня, доброго молодца, въ городъ, во губернію,
Привели-то меня, добра молодца, привели ко приему,
Посадили-то меня, доброго молодца, во красное стуле;
Какъ и стали они меня, разудалаго, стричь, они-то—брити.
Ужъ вы брѣйтѣ мои кудерушки, брѣйтѣ, не жалѣйтѣ,
Отошлите мои кудерушки ко красной дѣвкѣ.

Не много найдется не только въ нашей, но и во всякой другой народной литературѣ болѣе поэтической, болѣе захватывающей за сердце и, наконецъ, болѣе живой по краскамъ слѣдующей пѣсни молодаго рекрута:

Растоскуйся ты, моя, ты, моя сударушка, по мнѣ возгорюйся,
Ужъ я самъ-то ли, самъ по тебѣ, сударушка, самъ я встосковался:
Нападаютъ-то на меня, меня, сиротинушку, ахъ, да лихи люди,
Что хотятъ-то ли, хотятъ меня, сиротинушку, отдать во солдаты,
Что куютъ-то ли, куютъ меня, сиротинушку, меня во желѣзы,
Что везутъ-то, везутъ меня, сиротинушку, меня ко приему.
Всѣ приемщики на меня, на меня, сиротинушку, они вздивовались:

Ужъ и гдѣ же ты, гдѣ ты, сиротинушка, гдѣ ты уродился?
Породила-то меня, меня, сиротинушку, ахъ, да родна матушка,
Воспойль-то меня, вскормиль меня, сиротинушку, православный міръ,
Возлелѣяла меня, меня, сиротинушку, ахъ, да Волга матушка,
Воскачала-то меня, меня, сиротинушку, ахъ да легка лодочка.

Эта пѣсня, помимо ея поэтическихъ красотъ, замѣчательна еще въ томъ отношеніи, что наглядно представляетъ обычное явленіе въ крестьянскомъ мірѣ, постоянно практиковавшееся въ прежнее время: сдавать въ солдаты безродныхъ, сиротинушекъ, чтобы они не сидѣли на мірской шѣй. Экономическая соображенія у нашего народа всегда имѣли и имѣютъ большое значеніе.

Выраженіе: «вспоилъ-то, вскормиль меня, сиротинушку, православный міръ», прямо указываетъ, что герой пѣсни не имѣлъ ни роду, ни племени, вслѣдствіе чего его и взлелѣяла Волга матушка, воскачала его не зыбка, а легка лодочка. Какъ глубоко лежитъ въ народѣ сознаніе, что безъ нѣжной любви матери не вырастаетъ ни одинъ человѣкъ, а если нѣтъ матери и дорогаго сердца другаго любящаго существа, то ихъ замѣняетъ природа, эта общая мать всѣхъ людей.

Родная мать крѣпко любить сына, такъ любить, какъ никто никогда любить не будетъ. Благословляя его на государеву службу, она причитается:

Да хранитъ тебя Никола многомилостивой
И отъ бури да хранитъ тебя, отъ падоры ¹⁾ ,
Отъ холода тебя, да онъ отъ голода,
Отъ тычковъ, пинковъ вѣдь онъ да отъ затыльниковъ.

Такія причитанья относятся къ такъ называемымъ завоеннымъ плачамъ, развившимся со времени Петра I, т. е. со времени введенія рекрутскихъ наборовъ. Рекрутчина создала эти рекрутскіе и солдатскіе плачи, страшные, раздирающіе душу, составляющіе нашу плачущую народную поэзію, по вѣрному выражению г. Барсова. Главными причинами недовольства народа были: неопределенность въ наборахъ, несправедливости, которыми они сопровождались, жестокое обращеніе и худое пропитаніе рекрутъ и солдатъ. Невыразимо тяжело было для народа и то, что наборы связывались съ такими условіями, которыхъ не мирились съ религіознымъ народнымъ сознаніемъ. Приказано было новобранцамъ рекрутамъ обстригать и брить бороду. «Главы и брады обрили и персоны ругательно обезчестили»,—писали книжники того времени. Бритье новобранцевъ, особенно въ самомъ началѣ, казалось надругательствомъ надъ православной русской душой. И вотъ какъ страшно вопить мать рекрута, видя гибель его вѣчнаго спасенія:

¹⁾ Падора, падера—буря съ вихремъ; въ Арханг., Новг. и Псковск. губ.

Охти мнѣ да мнѣ тошишенько!
 Какъ бы мнѣ эта бритва завостренная.
 Не дала бы я злодійной этой некрести
 Надь моимъ ноньку рожденiemъ надрыгатися:
 Распорола бы я груди этой некрести,
 Ужъ я выняла бы сердце тутъ со печенью,
 Распластала бы я сердце на мелки куски,
 Я нарыла бы корыто свиньямъ въ мѣсиво,
 А и печень я свиньямъ на уѣданьице.

Никакой курсъ исторіи народа не уяснитъ такъ осязательно такъ рельефно горя, накипѣвшаго въ немъ отъ рекрутчины и солдатчины! Страшная, шекспировская по литературнымъ достоинствамъ пѣсня. Ясно, значитъ, что бритье бороды затрогивало самыя святыя религіозныя чувства народа. «Эту вѣковую борьбу народа противъ брадобритія,—говорить г. Барсовъ,—стоившую ему безконечно тяжкихъ воздыханій и горькихъ слезъ, тюремныхъ заоченій, ссылокъ на галеры, пролитой крови и головъ, сложенныхъ на дыбахъ или рукою палача, прекратилъ покойный царь-освободитель. Всѣмъ извѣстно знаменитое дѣло Карташева, который заявилъ, что съ него могутъ снять голову, но не бороду. Военный судъ приговорилъ его къ смертной казни, черезъ разстрѣляніе, но государь помиловалъ его отъ этой казни и разрѣшилъ всѣмъ желающимъ носить бороду и черезъ то освободилъ русскій народъ отъ вѣковаго внутренняго смущенія и поруганія».

Мы уже знаемъ, что рекрутчина и солдатчина создали протестъ со стороны народа, проявившійся въ побѣгахъ. Слѣдуетъ указъ за указомъ, начиная съ 1713 года, противъ бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ. Въ видахъ предупрежденія побѣговъ велѣно было бѣглыхъ клеймить, наколя имъ крестъ на лѣвой рукѣ, и затирать порохомъ. Не спасались отъ различныхъ истязаній, какъ мы знаемъ, и родители бѣглыхъ дѣтей. Ихъ приковывали къ стулу, который имѣлъ въ ширину аршинъ, а въ длину полтора аршина; въ этомъ стулѣ былъ забитый пробой и цѣль желѣзная съ сажень, и накладывалась эту цѣль на шею, съ замкомъ; заставляли голыми ногами по цѣльному часамъ стоять на льду и снѣгу. Употреблялась и такая мука: вывѣшавъ пролубу и отъ той вывѣшавъ другую, разстояніемъ отъ пролубы до пролубы 5 сажень; затѣмъ клали веревку на шеи родителямъ и перетягивали веревку и таскали ихъ изъ пролубы къ пролубѣ. Мало того, морили скотъ голодомъ, раскрывали въ домахъ крыши и даже разворачивали самые дома. Вслѣдствіе этого и сами родители бросались на уѣгъ,—заключаетъ г. Барсовъ,—и дома оставались пустыми.

Не смотря на всѣ эти ужасы, были такие добрые и отважные люди, которые, всетаки, принимали бѣглыхъ рекрутовъ и солдатъ и спасали ихъ, что видно изъ сохранившихся въ народѣ разска-

зовъ. Но въ безъисходномъ несчастіи одна надежда на Бога. Жалѣя плачущую матерь, соседки уговариваютъ ее сходить въ церковь и помолиться:

И може Господи Владыко свѣтъ помилуетъ,
И Пресвятая Мать Богородица заступится,
И сохранитъ да вѣдь Микола многомилостивой
Ужъ какъ милое рожоное твое дитятко
И отъ злодійной этой службы государевой.

Теперь перейдемъ собственно къ солдатскимъ пѣснямъ, т. е. разсмотримъ, какъ проявляется нашъ солдатъ въ своемъ творчествѣ. Эти пѣсни можно раздѣлить, по нашему мнѣнію, на два отдельна: во-первыхъ, пѣсни, въ которыхъ солдатъ говоритъ о своихъ невзгодахъ. Въ нихъ находимъ и теплое чувство, и картину горькой дѣйствительности, но такихъ пѣсенъ немнога: солдату не приводилось пѣть, при отцахъ-командирахъ, о своихъ страданіяхъ и лишеніяхъ. Идутъ солдатушки мимо палаты генеральской. Приказываютъ имъ пѣть пѣсню веселешенко, а имъ пѣсенки запѣть да не хотѣлось бы! щемить ихъ ретивое, замираеть сердце; но, волей не волей, по городу идутъ они тихошенько и скроль слезы поютъ они пѣсенку и скроль обиду слова выговаривають. Вотъ лучшій отвѣтъ самихъ солдатъ, въ какой степени имъ было удобно пѣть задушевныя пѣсни и при какихъ условіяхъ приходилось отводить душу въ пѣсняхъ.

Ко второму отдельну относятся пѣсни, имѣющія предметомъ описанія полководцевъ, отцовъ-командировъ и совершенныхъ солдатами походовъ. Въ этихъ пѣсняхъ нѣтъ искры чувства, правды и дѣйствительности, за весьма ничтожными исключеніями, а именно лишь по отношенію къ событиямъ, относящимся къ походамъ Петра Великаго. Петръ рисуется въ солдатскихъ пѣсняхъ въ образахъ живыхъ; о немъ говорится съ теплымъ чувствомъ. Пѣсни, явившіяся послѣ Петра, вплоть до конца царствованія императора Николая I, создались какъ будто по какому-то заказу, по казенной мѣркѣ, заранѣе и однажды навсегда опредѣленной. Въ нихъ не узнаешь нашего умнаго, обладающаго теплымъ чувствомъ солдата.

Петру въ пѣсняхъ попреимуществу приписывается имя царя бѣлага.

Пѣсня сохранила намъ Азовскіе походы:

Сбирается православный царь
Подъ крѣпкой Азовъ городъ.
Собираетъ онъ телѣженекъ
Сорокъ тысячей.
Во каждую телѣжку сажаль
По пяти молодчиковъ.
По шестому приставляль
По извошичку.

Укрывали сукнами
Багрецовыми,
Убивали гвоздочками
Полуженными.

Петръ приказываетъ доложить въ Азовѣ турецкимъ начальникамъ, что пріѣхалъ къ нимъ богатый гость Федоръ Ивановичъ:

Съ тѣми ли съ товарами,
Со заморскими,
Съ куницами пріѣхалъ
И съ соболицами.

Турки повѣрили, и когда впустили обозъ, то изъ телѣгъ выскочили казаки, которые и захватили городъ.

Какъ совпадаетъ эта хитрость Петра съ извѣстнымъ сказаніемъ объ Олегѣ, когда онъ такимъ же способомъ выманилъ изъ Киева Оскольда и Дири. Можетъ быть, Петру приписана эта хитрость потому, что онъ, какъ умница, дѣлаетъ все не такъ, какъ дѣлаютъ простые смертные.

Чистка аммуниціи на нѣмецкій ладъ и всѣ нѣмецкіе порядки, требовавшіе аккуратности, этой первой нѣмецкой добродѣтели, начинаются въ нашемъ войскѣ также со времени Петра. Такъ, въ одной пѣснѣ говорится:

Бѣжитъ-то изъ Москвы скорый посолъ,
Держитъ въ рукахъ грозный указъ,
Чтобъ были мы, солдатушки, пріубранные,
Перевязы, портупей были бы бѣдленыя
И ружьезы были бы чищены.

Очень можетъ быть, что эта пѣсня позднѣйшаго склада, когда нѣмецкая чистка развилась особенно сильно, хотя въ ней, т. е. пѣснѣ, говорится о походѣ подъ Азовъ.

Мы уже замѣтили выше, что какъ только солдатъ вспомнить о тягостяхъ рекрутчины и военной службы, то его пѣсня звучить теплотой сердечной и неподкрашенной правдой, какъ, напримѣръ, слѣдующая:

Ты злодѣй—злодѣй, ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое!
Къ чему ты ныло, запывало?
Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
Предвѣщало ты, а не сказали:
Что быть-то мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,
Что въ рекрутахъ быть мнѣ и во солдатахъ.
А и въ солдатахъ быть и мнѣ и въ походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію Шлисенбургомъ.

Петръ обращается къ генераламъ и спрашиваетъ: «Еще братъ ли мнѣ городъ Орѣшкъ? Генералы совѣтуютъ отступить, ибо силы мало. Спрашиваетъ царь и солдатъ о томъ же:

Что не ярые тутъ пчелы зашумѣли,
Что возговорятъ российскіе солдаты:
Ахъ ты, нашъ батюшка, государь царь!
Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
Намъ сухимъ путемъ идти—не досягнути,
А что братъ или не братъ ли—бѣлой грудью.

Прекрасно сравненіе солдатскаго говора со пчелинымъ шумомъ; художественна и послѣдняя строка, т. е. такъ или иначе идти къ Орѣшку, но, во всякомъ случаѣ, приходится братъ его бѣлой грудью.

Петръ въ пѣсняхъ переглядываетъ на рѣкѣ Невѣ корабельное построенье; на этомъ построеньцѣ полюбился царю легкій корабль, съ любимыми полками преображенскими. Зналь, слѣдовательно, народъ любовь царя къ кораблямъ, его любовь къ полку Преображенскому. Говорить пѣсня и о Полтавской битвѣ, не опуская даже нѣкоторыхъ подробностей:

Подымалась полтавская бatalia.
Запалить шведская сила
Изъ большаго снаряда, изъ пушки;
Запалить московская сила
Изъ мелкаго ружья, изъ мушкетовъ.

Оставляя подробности, приводимъ конецъ пѣсни:

Смѣшалася шведская сила.
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Какъ художественно сравненіе поля битвы съ пашней! Предъ глазами невольно рисуется битва страшная, стоившая много жертвъ. Для того, чтобы понять, до какой высокой художественной красоты можетъ возвыситься творчество нашего народа, мы приводимъ слѣдующее описание битвы, поражающее своей грандиозностью: страженіе было превеликое и кровопролитіе преужасное; отъ дыму не видно было свѣтла бѣлага. Далѣе:

И мы ходили-то, солдаты, по колѣна въ крови;
И мы плавали, солдаты, на плотахъ-тѣлахъ;
И ручьями кровь да туды сюды разливается,

И наше храброе сердце да разгорается;
 Тутъ одна рука не може, другая пали;
 Тутъ одна нога упала, другая стой;
 И раззудилося плечо да расходилось,
 И бурлацкое вѣдь сердце не устерпчиво;
 И гдѣ вѣдь пулей неймемъ, тамъ грудью беремъ,
 А гдѣ грудь не береть, душу Богу отдаешь.

Какая сила слышится въ этой пѣснѣ, какими красками нарисована картина битвы! Слушая такую пѣсню, вѣришь, что поющій ее легко отдаетъ душу въ томъ случаѣ, гдѣ грудь не беретъ.

Пѣсни, имѣющія содержаніемъ походы Петра, какъ мы и замѣтили выше, относятся съ теплотой и видимымъ сочувствіемъ къ его личности, чтѣ объясняется, какъ заботами его о войскѣ, такъ и тѣмъ (въ чемъ мы видимъ самую главную причину), что значеніе войнъ, предпринятыхъ великимъ преобразователемъ, не могло укрыться отъ войска, которое, кромѣ того, имѣло возможность осознательно убѣдиться, что своимъ успѣхомъ надъ врагами, на поляхъ сраженій, обязано новымъ порядкамъ, введеннымъ царемъ, и его неустаннымъ заботамъ объ устройствѣ государства, въ особенности военной части. Чутье пониманья правды удивительно развито въ нашемъ народѣ; онъ любить справедливость, обладаетъ такимъ здравымъ взглядомъ на вещи, на всѣ жизненные явленія что, по естественному закону, никогда не назоветъ чернаго бѣлымъ и наоборотъ. Любя или не любя ему извѣстная личность, но отнесется къ ней всегда справедливо и безпристрастно. Мнѣ возразить, что народъ не любилъ Петра, по многимъ причинамъ, доказаннымъ исторіею. Мы на это отвѣтимъ: если народъ и не любилъ его, то, всетаки, сознавалъ, и сознавалъ глубоко, величие, мощь Петра, чтѣ подтверждается множествомъ о немъ сказаний, преданій, въ которыхъ великій реформаторъ постоянно рисуется человѣкомъ, выходящимъ изъ ряда по своимъ геніальнымъ душевнымъ свойствамъ. Повторяемъ: въ томъ и познается присущее нашему народу чутье правды, что онъ, если и не любить кого бы то ни было, то, во всякомъ случаѣ, относится къ нему справедливо, о чёмъ мы и вели рѣчь.

Смерть Петра не могла, конечно, пройти незамѣченной народомъ, какъ равнымъ образомъ и войскомъ. Есть пѣсня, содержащая плачъ гвардіи, при кончинѣ великаго царя. Эта плачъ не заказной, не искусственный; въ немъ слышится теплота сердечная:

« И ты встань, проснись, православный царь!
 Посмотри, сударь, на свою гвардію;
 Посмотри на всю армію,
 Что всѣ полки въ строю стоятъ
 И всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
 Подполковнички на своихъ мѣстахъ,

Всѣ маюрушки на добрыхъ коняхъ,
 Капитаны передъ ротами,
 Офицеры передъ взводами,
 А прапорщики предъ знаменами.
 Дожидаются они полковничка,
 Что полковничка преображенскаго,
 Капитана бомбардирскаго.

Съ какимъ художественнымъ тактомъ ведена вся пѣсня. Петръ лежитъ въ гробу (о чёмъ говорится въ началѣ); войско молить, «чтобы разстунилась на всѣ стороны мать сыра земля и раскрылась бы гробова доска, и ты встань, проснись, православный царь!» Зачѣмъ—переходъ къ описанію войска, готоваго къ смотру. Зачѣмъ собралось войско? Пѣсня, какъ мы замѣтили, упомянувъ о смерти Петра, отвѣчаетъ, что войско ждетъ своего полковничка преображенскаго, капитана бомбардирскаго. Безъ всякихъ реторическихъ правиль, народъ знаетъ, такъ называемый въ искусствѣ, законъ контраста, на которомъ и держится вся приведенная нами пѣсня. Груба, необдѣлана форма всякаго народнаго произведенія, но отнять у народа художественнаго чутья, конечно, невозможно.

Въ иныхъ солдатскихъ пѣсняхъ горе выражается необыкновенно коротко и рельефно.

Такова, напримѣръ, пѣсня:

Какъ шли—прошли солдаты молодые,
 Да за ними идутъ матушки родныя,
 Во слезахъ пути-дороженьки не видютъ.
 Какъ возговорятъ солдаты молодые:
 Охъ, вы, матушки родныя, да родныя,
 Не наполнить вамъ синя моря слезами,
 Не исходить-то вамъ сырой земли за нами».

Изъ приведенныхъ нами задушевныхъ пѣсенъ можно сдѣлать вѣрный выводъ, а именно, что какъ только солдатъ касается своей службы, то пѣсня звучитъ грустью и тоской. Мать спрашиваетъ сына: «Съ чего ты, дитятко, состарѣлся? Сынъ отвѣчаетъ:

Государыня, ты, матушка!
 Не жена меня состарила,
 Что не малыя ли дѣтушки.
 А состарила меня, матушка,
 Что чужа дальна сторонушка,
 Грозна служба государева,
 Что часто дальние походы всѣ.

Вообще солдатская служба называется въ пѣсняхъ не иначе, какъ грозной службой государевой, командиры—супостатами, злодѣями свирѣпыми. «Безъ креста и безъ души, они не жалѣютъ безчастныхъ солдатъ».

За пропащу ихъ собаку почитаютъ,
И бьютъ да ихъ безчастныхъ до умертвія.

Солдаты знаютъ, какъ знаетъ и весь народъ, что царь—сама правда, источникъ добра; но творятъ неправду начальники. «Холодно было и голодно. Ядѣнье было точно скотинное и питье было лошадиное; лакомствомъ были мякинныя сухарики и сладкимъ питьемъ—ржавая вода. Отъ царя они не обижены; отъ царя пища хорошая поставлена и отъ царицы добры питьица наряжены и то между собой начальники съѣдаются».

Имѣется цѣлая исторія, изложенная въ пѣснѣ, о какомъ-то князѣ Гагаринѣ, солдатскомъ грабителѣ:

Заѣдаеть князь Гагаринъ наше жалованье,
Небольшое, трудовое, малоденежное,
Со всякаго человѣка по 15 рублей.
Онъ на эти-то па денежки поставилъ себѣ домъ,
Онъ поставилъ себѣ домъ на Неглинной, на Тверской,
На Неглинной, на Тверской, за мучнымъ большимъ рядомъ.

Далѣе слѣдуетъ описание дома, въ которомъ потолокъ хрустальный, а парадное крылечко бѣлокаменное, полъ лакомъ наведенъ и москворѣцкая вода по фонтану ведена. Въ палатахъ смощена кровать, на ней лежить князь Гагаринъ. (Высшее наслажденіе, въ понятіяхъ народа, лежать на кровати и ничего не дѣлать). Князь, лежа на кровати, таки рѣчи говорить:

Ужъ и дай, Боже, пожить и въ Сибири послужить:
Не таки бѣ я податушки состроилъ бы себѣ,
Я не лучше бы, не хуже государева дворца.
Только тѣмъ развѣ похуже—золотаго орла нѣть.
Ужъ за эту похвалъбу государь его казнилъ.

Не сибирскій ли это губернаторъ князь Гагаринъ, казненный Петромъ за взятки и различныя, выходившія изъ ряда безобразія? Народъ именамъ не даетъ особенного значенія и нерѣдко смѣшиваетъ личности.

Страшно дорого стоила солдатамъ такъ называемая ими въ пѣсняхъ учеба артикуламъ и различнымъ ружейнымъ пріемамъ. Съ болю сердечной вспоминаетъ солдатъ объ этой учебѣ:

Стоять они день до вечера
И съ руки на руку оружье перекладываютъ,
И съ ноги на ногу они да переступываютъ,
И выше головы оружье подымаютъ,
И скорешенько оружье заряжаютъ.

Отойдутъ командеры и отдалъ глядять: впрямъ по плечушкамъ могучіимъ и вточъ по буйной по головушкѣ:

Солдатушки стоять да не шатаются,
Оружьица у нихъ да не мѣшаются ли?

Но молодые солдатушки не могутъ продѣлывать команду по правиламъ:

Оружьице у нихъ да все промахнется,
Аль плечо съ плечомъ у нихъ да все не сойдется,
Аль ступня съ ступней у нихъ да не сравняется.
Закричатъ они, злодѣи (т. е. командиры), позвѣриному
И по бѣлу лицу даютъ да имъ затрещенье,
Аль по головѣ даютъ да имъ заушенье,
Аль по бѣлую-то грудь да имъ подтычину,
А вотъ и зеленая солдатская улица.

Безъ сознанія, безъ чувствъ и движенія, отъ ранъ и побоевъ, лежать солдатушки полумертвые. Со слезами подымаются ихъ товарищи и спрашиваютъ:

Есть ли душенька у васъ во бѣлыхъ грудяхъ,
Есть ли зрѣньице у васъ да во ясныхъ очахъ?

Всѣ эти подтычины, зуботычины и заушенья крѣпко сказывались солдатамъ, когда они оставляли службу и возвращались въ свой родной уголъ:

Тоскуютъ-то солдатски бѣдны плечушки
И стонутъ бѣдны косточки изломаны.

Нужно ли добавлять что нибудь къ этой картинѣ, нарисованной такими яркими красками? По упомянутой пѣснѣ можно воспроизвести всю солдатскую учебу, со всѣми ея прелестями.

Мать, взволнованная рассказами сына о подобныхъ жестокостяхъ, между прочимъ, говорить ему: «Пашь бы вамъ въ ноги командерамъ и просить бы: не бейте понапрасну, не терзайте-тко!» Но тутъ же сама соображаетъ: «Пораздумаюсь безчастнымъ своимъ разумомъ: оны безъ души судіи неправосудные, оны безъ креста злодѣи супостатыи.» Мать даетъ еще и другой совѣтъ: «Найдти писарочка хитроумнаго, съ своей стороны, съ Новгорода, и съ обидой бить челомъ на нихъ царю благовѣрному и царицѣ милосердой». Но потомъ вспоминаетъ и говорить, что нѣть у злодѣевъ ни страху, ни совѣсти:

И не допустятъ-то прошеньца безчастнаго
И какъ до этого царя да до великаго,
И тутъ обыщутъ (т. е. обнесутъ, оклевещутъ) вѣдь солдатушковъ
безчастныхъ.

Послѣ всего выше нами изложеннаго, становится совершенно понятнымъ, почему въ прежнее время тѣ счастливцы-рекрута, которыхъ брили затылки, нагие выбѣгали изъ рекрутскаго присутствія, нагие бѣжали по городу, нагие прибѣгали домой. И никого это

не удивляло, никто этому не препятствовалъ. Напротивъ, это казалось даже совершенно понятнымъ: какъ въ самомъ дѣлѣ, на такой радости, не бѣжать нагому, хотя бы по цѣлому городу.

Охъ, нѣтъ тебя (полыни) горчче во чистомъ полѣ,
А еще того горчче—служба царская:
Пристоялися наши ноженъки ко сырой землѣ,
Придержалися наши рученьки къ строеву ружью,
Приглядѣлися наши глазыньки за Дунай рѣку,
Что на славную на укрѣпушку, на Берлинъ городъ.

Дунай рѣка, Берлинъ городъ—все это путается, перемѣшиваются, и напрасны были бы въ данномъ случаѣ усиленія критики разобраться въ подобныхъ противорѣчіяхъ. По отношенію къ этой пѣснѣ можно сдѣлать одно предположеніе, а именно, что она, по вѣроятности, пріурочивается ко времени Семилѣтней войны. Иначе едава ли попадѣть бы въ нее городъ Берлинъ, который, впрочемъ, можетъ быть и позднѣйшей вставкой въ пѣснѣ, создавшейся прежде Семилѣтней войны. Такое явленіе сплошь да рядомъ встрѣчается въ историческихъ пѣсняхъ.

Не остались безъ помѣтки и нѣмцы-начальники, вводившиѳ въ наши войска свои суровые порядки:

Что гораздо мы предъ Богомъ согрѣшили,
Государя мы царя распрогнѣвили:
Ужъ какъ отдалъ насъ не-русскому начальству,
Что не русскому начальству—нѣмчину,
Онъ и бѣть и губить солдатушекъ напрасно.

Какъ твердо народъ вѣрить въ безконечную доброту и любовь къ нему царя! Если назначены въ начальники злые нѣмцы, то только по винѣ солдатъ: послѣдніе царя распрогнѣвили. Вмѣстѣ съ тѣмъ хороши были и нѣмцы, которыхъ назначали въ начальники солдатамъ за наказаніе. На основаніи всего этого какъ не согласиться, что произведенія народнаго творчества—лучшій, богатѣйшій матеріалъ для изученія исторіи народа.

Г. Барсовъ въ своемъ сборникѣ причитаній, завоенныхъ плачей, который мы цитируемъ въ настоящей статьѣ, дѣлаетъ какъ нельзя болѣе вѣрный выводъ, а именно, что всякий солдатъ, солдатскія вдовы и дѣти считаются крестьянами какими-то отчужденными личностями (о чемъ мы и намекнули на первыхъ страницахъ этой статьи), не имѣющими никакого отношенія къ крестьянству; мало того, крестьянне смотрять на солдатскихъ женъ и дѣтей съ великимъ нерасположеніемъ. Объяснить подобное явленіе, въ виду присущаго нашему народу добродушія, можно лишь матеріальнымъ разсчетомъ: солдатъ и солдатская семья ложились, въ большинствѣ случаевъ, тяжелымъ бременемъ на крестьянство. Съ развитиемъ рекрутчины появился, такъ называемый въ плачахъ, не

бывалый дотолѣ, казенный человѣкъ. Оказывается, что этимъ казеннымъ человѣкомъ могъ быть и собственный сынъ крестьянина, обреченный въ солдаты, къ которому и отецъ, и мать, и вся семья относятся враждебно, съ явнымъ чувствомъ озлобленія. Въ одномъ плачѣ сродники и сосѣди упрекаютъ матеръ за ея прежнее холодное отношеніе къ сыну, какъ къ казенному человѣку. Такъ, тетка говоритъ ей:

Ты не матушка была да ему — мачиха,
И будто у сердца его ты не носила;
И знае—вѣдае ретивое сердечушко,
И што вы ростили удаля добра молодца,
И во людушки вы ростили казенные.

Слѣдовательно, нелюбовь крестьянъ распространялась не только къ бывшимъ солдатамъ, но даже и къ дѣтямъ, которыхъ обрекались въ казенные люди. Сосѣди-крестьяне также непріязненно смотрѣли на удалаго молодца, обреченаго въ казенные людипки:

Не участникъ онъ участковъ деревенскіихъ
И не дольщикъ онъ крестьянскаго вѣдь полюшка,
И не косецъ да на луговыхъ буде поженкахъ.

Неудивительно послѣ этого, что казенный человѣкъ говорилъ:

Отъ младости во радости не бывано
И отъ рожденъица веселыхъ дней не видано.

Такимъ образомъ солдатчина прямо вела къ нравственному разложенію семьи, къ порванію семейныхъ кровныхъ связей, что какъ нельзя болѣе подтверждается такими словами плача:

И выше головы кресты они здымали (рекрутъ во время присяги),
И отца съ матерью они тутъ проклинали.

Едва ли можно сильнѣе изобразить отреченіе солдата отъ семьи, рода и племени. Изъ этихъ словъ вполнѣ видна страшная пропасть, отдѣлявшая крестьянство отъ солдатчины.

Положеніе солдатки въ семье беззащитное и безнадежное. Ее постоянно корятъ, что нѣть у нея пахаря на чистомъ полѣ, нѣть сѣнокосца на луговыхъ пожняхъ и воскормителя нѣть въ домѣ родителя. Она, при всякомъ случаѣ, боится, что люди скажутъ про нее:

Что вольная солдатка самовольная
И што лѣвива она да не станливая
И свѣтамъ-братцамъ богоданными непокорная.

Даже крестьянскія дѣти бранятъ солдатскихъ дѣтей:

И обзываютъ ихъ ребята все отецкіе
И гулять-играть съ собой не привѣчаютъ.

Остается благодарить Бога и царя-освободителя, что казенный человѣкъ, съ теченіемъ времени, исчезнетъ на вѣки изъ крестьянской семьи.

Совершенно другой характеръ представляютъ пѣсни, имѣющія предметомъ описанія сраженія, походы и полководцевъ, за исключениемъ пѣсень времени Петра, о которыхъ мы уже говорили. На сколько разсмотрѣнныя нами задушевныя пѣсни картины, поэтичны, полны жизни и правды, на столько воспѣвающія битвы и начальниковъ искусственны, ложны, дѣланы, сочинены по одному шаблону, по одной мѣркѣ. Умственно не развитый нашъ солдатъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о причинахъ войнъ, въ которыхъ ему приходилось принимать участіе. Да и кому были извѣстны эти причины, кромѣ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ! Исторія знаетъ, что Елизавета Петровна вела войну съ Фридрихомъ Великимъ главнымъ образомъ по причинѣ личнаго нерасположенія къ нему. Вслѣдствіе этого народъ и войско относились къ войнѣ лишь съ точки зрѣнія неизбѣжно соединенныхъ съ ней тягостей. Изъ всѣхъ войнъ, пережитыхъ нашимъ народомъ со времени Петра, только Отечественная война да послѣдняя за братушекъ тронули народъ, какъ говорится, за живое. Народъ и войско сознавали также, до извѣстной степени, что полякъ бунтуетъ, что его необходимо привести къ порядку, но вражда къ поляку имѣеть старую историческую основу. Вотъ причина, почему и историческія поговорки не идутъ далѣе Полтавской битвы.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ чего же можно ждать отъ солдатскихъ пѣсень, имѣющихъ предметомъ войны и походы? Конечно, ничего, кромѣ набора словъ, фальшиваго чувства, напускной самоувѣренности, столь чуждыхъ природѣ русскаго человѣка. Затѣмъ, по всей вѣроятности, большинство этихъ пѣсень сочиняется военными писарями и вообще различными полуграмотными писаками. Всякому извѣстно, что подобныя пѣсни рождаются, какъ грибы, во время каждой войны. Путемъ различныхъ пѣсенниковъ, столь ходкихъ среди народа, особенно пригороднаго, онѣ пошадаются къ солдатамъ, которые иныя изъ нихъ передѣзываютъ на свой ладъ и придаютъ имъ до извѣстной степени народный характеръ. Все это еще не разобрано критикой и ждетъ умѣлаго и опытнаго изслѣдователя. Само собой понятно, что подобной переработкѣ не можетъ подлежать, напримѣръ, слѣдующая чепуха:

Ну, впередъ ступай, ребята,
Не робѣйте ничего,
Хоть и нужды мы прихватимъ,
Но за славу то почтемъ.
Намъ въ Россіи хлѣбъ-вода —
То солдатская ёда.

Поневолѣ задумаешься, что Суворовъ, этотъ великий военный геній, такъ близко стоявшій къ войску, которое онъ водилъ отъ побѣды къ побѣдѣ, не сдѣлался достояніемъ народнаго творчества въ такой степени, въ какой онъ, повидимому, имѣлъ бы право

сдѣлаться. Намъ случилось встрѣтить мнѣніе, сколько помнимъ, принадлежащее г. Мордовцеву, что народу дороги лишь личности несчастненкія, а Суворовъ къ таковымъ не принадлежалъ. Думаемъ, что такой взглядъ довольно одностороненъ: не можетъ быть и спору о томъ, что нашъ народъ необыкновенно отзывчивъ на всякое чужое горе и о несчастненкіхъ онъ съ любовью говорить въ своихъ пѣсняхъ, но необходимо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что, помимо несчастненкіхъ, народу дороги свои люди, люди его кости и крови. Стенька Разинъ и многие волжскіе разбойники—не герои добра, не великие полководцы, но о нихъ существует масса пѣсенъ, сказаний, преданій, особенно о первомъ. Они сдѣлялись достояніемъ народного творчества потому, во-первыхъ, что свои люди; во-вторыхъ, потому, что въ своей дѣятельности они становились во враждебныя отношенія не столько съ обществомъ, съ народомъ, сколько съ неправдой, олицетворявшейся въ различныхъ органахъ власти, одинаково враждебной и народу. Въ этомъ отношеніи исторія нашего разбойничества представляеть примѣры въ высшей степени оригиналные и поучительные. Суворовъ былъ не изъ народа, и хотя одерживалъ великия побѣды, но, говоря просто, народу до этихъ побѣдъ было мало дѣла, ибо самыя причины войнъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, оставались для него тайной неразгаданной. Въ такихъ войнахъ въ солдатъ является двигателемъ остервенѣніе безмысленного звѣря, который дерется потому, что, если не будетъ драться, то будетъ убить. Только вполнѣ, такъ сказать, сознательная битва вызываетъ въ воинѣ чувства, которыя рвутся наружу, чтобы обнаружиться въ пѣснѣ, въ этомъ внѣшнемъ проявленіи души, полной восторга.

Суворовъ упоминается въ слѣдующей пѣснѣ, не дѣланной, а дѣйствительно солдатской; шведскій король вступилъ въ переписку съ государыней (пѣсня, вѣроятно, относится къ императрицамъ Елизавѣтѣ или Екатеринѣ):

Пишеть, пишеть король швецкій государынѣ самой:
Охъ, ты гой еси, россійска государыня сама,
Ты раздѣлайся, государыня, по честности со мной,
Не раздѣлаешься, государыня, по честности со мной,
Ужъ я съ силушкой сберусь, скрозвь землюшку пройду.

Далѣе грозить побывать въ Москвѣ и Петербургѣ; въ концѣ предлагается условія замиренія:

Россійска государыня, замирился ты со мной.
Не замиришься—не прогнѣвайся на меня.
Ты отдай, отдай свои славны города,
Не отдашь, не отдашь, государыня, -- не прогнѣвайся на меня;
Отдай Тулу, отдай Леверъ (Ревель), отдай славный Коропштанъ (Кронштадтъ).

Такимъ образомъ король требуетъ города, завоеванные у Швеціи Петромъ. Какъ попала сюда Тула — не разрѣшишь.

Въ другой пѣснѣ предъявляется такое требованіе: «Отдай Курляй, Вихляй съ Выборгомъ назадъ». Курляй и Вихляй, конечно, Курляндія и Лифляндія.

Испугалася, оробѣла государыня наша,
Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:
Охъ, вы гой еси, мои слуги, слуги вѣрные мои!
Вы подите-приведите Суворова графа ко мнѣ.

Вотъ приходитъ графъ Суворовъ и говоритъ:

Ужъ ты гой еси, государыня, не страшися ничего,
У насть есть чѣмъ принять, чѣмъ потчивать его:
У насть есть ли пироги,
Они въ Тулѣ печены,
Они въ Тулѣ печены, въ Москвѣ мясомъ чинены,
У насть есть ли сухари, они въ Тулѣ крошены, и проч.

Въ пѣснѣ на смерть Лопухина упоминается, что Суворовъ генераль свою силу утверждалъ, мелки пушки заряжалъ, короля въ полонъ бралъ.

Въ другой пѣснѣ, въ которой шведскій король также грозить государынѣ, вмѣсто Суворова спасителемъ послѣдней является весь генералитетъ. Есть еще третья пѣсня, на ту же тему, въ которой выступаетъ генералушка большой Краснощековъ, но въ ней на сценѣ не шведскій, а прусскій король:

Ты не бойся, матушка, прусска короля,
Не бывать ему, собакѣ, въ Питерѣ городѣ,
Въ Питерѣ не бывать, Москву въ глаза не видать.

Краснощековъ въ большинствѣ случаевъ пріурочивается къ прусскому королю. Имя Суворова вспоминается въ пѣсняхъ о первой турецкой войнѣ. Описывается проигранная нами битва. Дѣло плохо; на всѣхъ напалъ ужасъ. Не теряетъ духа только Суворовъ, который скакеть къ донскимъ казакамъ и говорить имъ:

Вы пейте-ка безъ мѣры зелено вино,
Берите безъ разсчету государевой казны.
Не можно ли, ребята, караулы турски скрасть?

Казаки отвѣчаютъ: «Не велика, сударь, страсть — караулы турски скрасть».

Есть дѣланная пѣсня о взятіи Суворовымъ Варшавы. Г. Мордовцевъ предполагаетъ, что она составлена какимъ нибудь грамотникомъ, проникла въ народъ и передѣлана по своему вкусу.

Какъ не туча находила,
И не сильны дожди дьють,
Графъ Суворовъ показался,

Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.
Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье
Взять Варшаву, покорить.

Ляхи, когда услыхали объ этомъ, то заговорили: «Лучше скропь землю пройдти, отъ Суворова уйтти».

Г. Елисѣевъ въ статьѣ «Преданія о Суворовѣ» приводить одинъ чисто народный обломокъ пѣсни о немъ:

Что не сизый орель на лебедушекъ
Напускается изъ-за синихъ тучъ,
Напускается орломъ батюшка
На поганыхъ на турковъ-нехристей
Самъ Суворовъ, свѣтъ-батюшка.

Въ пѣснѣ на взятиѣ Варшавы, между прочимъ, находимъ:

Намъ Суворовъ волю далъ
Ровно три часа гулять.
Погуляемте, ребята, —
Намъ Суворовъ приказалъ.

Подъ гульбой, упоминаемой въ пѣснѣ, по всей вѣроятности, на-
добно понимать разрѣшеніе, которое Суворовъ иногда давалъ сол-
датамъ, а именно грабить взятый штурмомъ городъ, чѣмъ солдаты
были очень довольны, ибо далѣе въ пѣснѣ говорится:

Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
Что ты правдою живешь,
Справедливо, нась, солдатъ, ведешь.

Замѣтимъ еще, что Суворовъ попреимуществу рисуется въ пѣс-
няхъ въ образѣ командующаго палочкой, убѣждающаго солдатъ
не робѣть, свинцу-пороху не жалѣть, или, какъ выражается пѣсня,
свою силу утверждалъ нашъ Суворовъ генералъ. Вообще черта
храбрости, способности переливать свою храбрость въ другихъ, при-
писывается Суворову ясно и опредѣленно въ произведеніяхъ на-
родного творчества. Оригинальныя выходки нашего великаго пол-
ководца, напримѣръ, пѣть пѣтухомъ, когда онъ захотѣлъ поднять
войско къ походу, и тому подобные фокусы прошли для народной
памяти совершенно безслѣдно, и именно потому, что народъ хорошо
понималъ, на сколько всѣ упомянутыя выходки были фальшивы,
дѣланы, искусственны, какъ все это въ дѣйствительности и было.

Такимъ образомъ мы видимъ, на сколько небогато народное
творчество произведеніями о Суворовѣ и въ количественномъ, и въ
качественномъ отношеніяхъ. Дѣланыя пѣсни о немъ разныхъ гра-
мотниковъ, напримѣръ, на Кинбурнскую косу, на взятие Измаила,
Очакова, и другія ниже всякой критики.

Въ народныхъ преданіяхъ Суворовъ является такимъ воиномъ, которому помогаетъ Богъ, нерѣдко посылающій къ нему ангеловъ. Суворовъ зналъ Божью планиду, по которой всегда и поступалъ. Онъ—волшебникъ, разрушавшій чары враждебной силы крестомъ и молитвой; обладаетъ способностью являться въ критической минуты, когда войску приходится плохо, и затѣмъ мгновенно исчезаетъ. Вообще ему придается мистический характеръ. Его, конечно, не береть пуля. Онъ не умеръ, но спитъ, и когда проснется, то горе врагамъ. Преданія о немъ существуютъ до сей поры въ Швейцаріи, гдѣ, въ Альпахъ, есть тропинки, проходы, пути Суворова. Мы сами видѣли, во время своего путешествія по Швейцаріи, и Чортовъ мостъ, и надпись, гласящую, что здѣсь проходилъ Суворовъ, и слышали рассказы жителей о немъ.

Означенныя преданія о Суворовѣ подслушаны г. Елисѣевымъ попреимуществу въ Новгородской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, находятся имѣнія этого полководца. Въ этой же мѣстности подслушано преданіе о томъ, что Суворовъ никогда не начиналъ битвы, не убѣдившись, что на небесахъ кончилась обѣдня, для чего онъ становился на колѣни, наклонялъ голову и слушалъ.

Но въ какой степени преданія о немъ живутъ во всей Россіи,—это вопросъ, остающійся открытымъ. Мало того, мы даже недоумѣваемъ, какимъ образомъ преданія, приводимыя г. Елисѣевымъ, въ которыхъ Суворовъ является какимъ-то миѳическимъ героемъ, окруженнymъ величайшей таинственностью, могли о немъ создаться даже и въ мѣстахъ его временного жительства, гдѣ онъ пѣлъ пѣтухомъ, читалъ Апостола и звонилъ въ колокола? Какое отношеніе всѣ эти чудачества великаго человѣка могли имѣть къ созданію преданій, вполнѣ понятныхъ въ герояхъ древнихъ былинъ, но никакъ не вѣжущихся съ личностью Суворова, съ его дѣйствіями и взглядами? Мы не хотимъ высказать сомнѣнія относительно достовѣрности преданій, упоминаемыхъ г. Елисѣевымъ, но просто выставляемъ вопросъ, для настѣ интересный и трудно разрѣшимый.

Въ числѣ солдатскихъ пѣсенъ времени Семилѣтней войны невольное вниманіе изслѣдователя останавливаютъ пѣсни о донскомъ казакѣ Краснощековѣ. Необыкновено сильно онъ запечатлѣлся въ памяти народной, но почему?—это остается вопросомъ не разгаданнымъ. За что его такъ крѣпко полюбили народъ и войско, какъ не любили и не любятъ ни одного полководца? Краснощековъ, личность совершенно неизвѣстная исторіи, возводится народнымъ творчествомъ въ героя, живетъ въ пѣсняхъ, полныхъ высокихъ поэтическихъ достоинствъ. Чувствуешь, что народъ положилъ въ нихъ всѣ свои силы. О Краснощековѣ до сей поры нѣть ни одной монографіи, даже у самихъ донцевъ, столь имъ прославленныхъ. Наши историки не знаютъ его, а между тѣмъ народная память хранить этого казака въ многочисленныхъ пѣсняхъ. На такую память, безъ сомнѣ-

иже имѣются какія нибудь уважительныя причины, намъ до сей поры не известныя. Вѣроятно, Краснощековъ былъ человѣкомъ необыкновенно сильнаго характера, ибо пѣсня говоритъ, что, когда татары взяли его въ плѣнъ, то разными муками мучили, а правды у него не вывѣдали, хоть съ живаго съ него кожу содрали, но души изъ него не вынули. Пріурочиваніе его къ татарамъ, къ войнамъ Петра, Елизаветы (попреимуществу ко времени послѣдней) лучше и яснѣе всего доказываетъ, на сколько онъ дорогъ народу. Складъ пѣсень о немъ чисто народный, безъ подмѣси.

Первые историческіе подвиги Краснощекова оказались въ крымскомъ походѣ фельдмаршала Петра Ласси, Лесси. Этотъ Петръ Лесинъ, какъ зоветъ его народъ, явился начальникомъ въ шведскую войну, при Аннѣ и Елизавете, и отъ него гибнетъ Краснощековъ, попадаясь въ шведскій плѣнъ. Этотъ народный герой переодѣвается въ различныя платья; онъ беззवѣтно смѣль и благороденъ:

Краснощековъ беретъ Берлинъ городъ.
Какъ растужится, расплачется прусской король,
Глядючи на крѣость на Берлинъ городъ:
Ты, крѣость моя, крѣость Берлинъ городъ,
Ты кому, моя крѣость, достанешься!
Доставалася моя крѣость царю бѣлому,
А еще-то тому генералу Краснощекову.

Замѣтимъ, кстати, что варианты плача прусского короля очень многочисленны и задушевны.

Краснощековъ возвращается раненый изъ похода и говорить матери, которая думаетъ, что онъ пьянъ, ибо, сидя на конѣ, шатается:

Напоилъ-то меня супостать прусской король
Тремя пойлами, тремя разными:
Первое пойлице—сабля острай,
Другое пойлице—ружье огненно,
Третье пойлице—калены стрѣла.

Краснощековъ раненъ. Пѣсня поэтически передаетъ его плачевное положеніе:

Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка,
Отъ великаго оружія солдатскаго
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добиралася до бѣлаго камышка.
Что на камышкѣ сидитъ младъ ясень соколь,
Подпалилъ онъ свои скорыя ноженьки.
Прилетѣли ¹⁾ къ соколу стадо вороновъ,
Что садились черны вороны вокругъ его

¹⁾ Множественное число при собирательномъ «стадо» какъ обычное въ древнемъ языке.

И въ глаза ли ясному соколу насыхались,
Называли они сокола вороною:
•Ты, ворона, ты, ворона подгуменная!»
Ахъ, что возговорить въ кручинѣ младъ ясенъ-соколь:
Какъ иройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
Я взовьюся, младъ ясенъ соколь, выше облака,
Опушуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы,
Перебью я черныхъ вороновъ до единаго.

Кто не согласится, что такое произведеніе вполнѣ заслуживаетъ названія высоко-поэтическаго. Примѣните его къ жизни, и вы будете поражены истиной, въ немъ высказываемой, т. е. если представить себѣ воронье, обыкновенно бросающееся на великаго человѣка только тогда, когда у него подпалены крылышки и обожжены ноженьки. Живая, полная горькой правды картина рисуется намъ въ этой пѣснѣ, героемъ которой является любимая народомъ и войскомъ личность. Мы имѣли случай замѣтить, что нашъ народъ обладаетъ великимъ запасомъ любви къ людямъ и особынмъ сочувствіемъ къ несчастненъкимъ. Въ пѣсняхъ времени Семилѣтней войны имѣется такая (и въ большомъ числѣ варіантовъ), въ которой высказывается солдатами глубокое сочувствіе къ прусскому королю Фридриху Великому, съ приложеніемъ къ нему эпитетовъ разбесчастненъкаго и безталанненъкаго. Ясно, значитъ, что солдаты угадали своей мягкой природой, чуткой къ страданіямъ людей, и совершенно поняли страшно критическое положеніе Фридриха II во время неравной борьбы его съ сильными государствами. Народъ и войско, если не знали причины войны съ Пруссіею, то, во всякомъ случаѣ, могли знать, что королю прусскому приходилось одному отбиваться отъ многихъ враговъ.

Разбесчастненъкій, безталанненъкій
Нашъ-та король прусскій.
Онъ на воронѣ на коничкѣ
Король разѣзжаетъ.
Ничего-то король про свою армеюшку
Ничего не знаетъ.

Король получаетъ газетушки, читаетъ ихъ и плачетъ. Въ заключеніе говорить: «Не воюеть-то наша армеюшка, горечко горчаетъ, что горчаетъ-то наша армеюшка, сама слезно плачетъ».

Считаемъ нелишнимъ высказать замѣчаніе, что въ пѣсняхъ, относящихся къ Семилѣтней войнѣ, пробивается мѣстами недоумѣніе о ходѣ событий, каковое недоумѣніе объясняется совершенно понятно, если мы припомнимъ, что всѣ наши успѣхи въ Пруссіи привели лишь къ тому, что русскую армію дважды возвращали: одинъ разъ на половинѣ дѣла, въ другой разъ безъ всякихъ пло-

довъ для Россіи, по успѣнномъ окончанію дѣла. Вопіющія несобразности и безтолковость военныхъ дѣйствій, конечно, не могли скрыться отъ солдатъ, которыхъ Господь Богъ не обдѣлилъ здравымъ смысломъ.

Въ пѣсняхъ Екатерининскаго периода есть все,—какъ замѣчаетъ г. Безсоновъ,—кромъ народа и народнаго. Это — также немалый вопросъ для изслѣдователей народнаго творчества. Такія блестящія войны, такое вообще блестящее царствованіе не наплы отзыва ни въ народѣ, ни въ войскѣ. Не понималъ ли народъ своимъ непостижимымъ чутьемъ истины, что существо дѣла заключается не въ блескѣ, а въ чемъ-то другомъ, болѣе прочномъ и необходимомъ для государства. Фактъ рѣшенній, что народъ въ царствованіе Екатерины II крѣпко страдалъ отъ всяческой неправды.

Пѣсни, относящіяся къ Отечественной войнѣ, всѣ дѣланы, чужды поэзіи и жизненной правды. По нашему крайнему разумѣнію, подобное обстоятельство объясняется такимъ образомъ: народъ, опечаленный нашествіемъ страшнаго числомъ врага, небывалымъ по-громомъ, соединеннымъ съ этимъ нашествіемъ, былъ не въ силахъ сосредоточиться на событияхъ, необыкновенно быстро смѣнявшихся. События, такъ сказать, подавляли его своимъ величиемъ и разнообразiemъ впечатлѣній. Грандиозныя битвы идутъ одна за другой, почти безъ остановокъ; отъ Нѣмана до Парижа пушечный громъ не умолкаетъ для войска. Какія события: Бородино, взятие Москвы, взятие столицы Франціи! По законамъ дѣятельности духовныхъ силъ человѣческихъ не представлялось возможнымъ разобраться съ массой подавлявшихъ въ то время русскаго человѣка впечатлѣній.

Съ чувствомъ далеко не отраднымъ читашь, напримѣръ, слѣдующія пѣсни, вышедшия изъ устъ какого нибудь полуграмотнаго патріота и разными путями попавшия въ уста солдата:

Всемилостивый Спасъ
Всѣхъ французовъ потрясъ,
Князь Кутузовъ
Побилъ французовъ.

Или:

Не боимся мы французовъ,
Штыкъ всегда востерь у насъ,
Лишь бы батюшка Кутузовъ
Допустиль къ нимъ скоро насъ.

Послѣ 1812 года, какъ, напримѣръ, и послѣ крымской войны, сложилось немало шуточныхъ стихотвореній. Въ свое время было въ большомъ ходу слѣдующее:

За горами, за долами,
Бонапартъ съ плясунами
Вздумалъ въ ровень стать.

Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда-жъ съ клешней тащится,
И давай плясать.
Не въ поддѣль пошелъ англезу,
Вадумаль бросить экосезу,
Польскую пройдти.

Явная и неудачная поддѣлка подъ народный ладъ.

Неизвѣстно, за какіе грѣхи всѣ полуграмотные слагатели солдатскихъ пѣсень навязывали и навязываютъ русскому народу похвальбу подвигами, презрѣніе къ врагу. Во-первыхъ, отъ самонхальства всегда отвертывается напѣть народъ; онъ скорѣе посмѣется надъ собой, чѣмъ похвалить себя; во-вторыхъ, напѣть солдатъ отдаетъ всегда должностное своему врагу и очень хорошо понимаетъ, что храбростью ни одинъ народъ не обѣленъ, что человѣкъ всякой національности сумѣеть умереть за отечество, если того потребуютъ обстоятельства; наконецъ, очень хорошо понимаетъ, что побѣда дѣло условное: сегодня Богъ далъ намъ, а завтра имъ. Означенная похвальба высказывается только для услажденія слуха начальства.

Въ пѣсняхъ 1812 года нерѣдко встрѣчаются имена Кутузова и Платова. Послѣдній рисуется удалымъ казакомъ; онъ переодѣтымъ является въ лагерь французовъ и бесѣдуетъ неузнанный съ самимъ Бонапарте:

Государь его (Платова) любилъ,
Къ себѣ въ гости попросилъ,
Ему бороду обрилъ,
Позументы съ груди снялъ,
Купцомъ его наржалъ,
Къ французу посыпалъ,
Подорожни написалъ.
Подѣлѣжаетъ казакъ Платовъ
Ко французскому дворцу.
У француза дочь Арина
Куницу рѣчи говорила.

Пріѣхалъ Платовъ только затѣмъ, чтобы сказать Бонапарте:

Ты, ворона, воръ французъ,
Зачуменная карга!
Не умѣла ты, ворона,
Ловить ясна сокола—
Платова казака.

Народный складъ этой пѣсни не подлежитъ сомнѣнію. Вообще замѣтимъ, что Платовъ пользуется болѣшой популярностью, чѣмъ Кутузовъ. Въ другой пѣснѣ о немъ говорится, что французская земля много горя приняла отъ Платова казака. Трудно сказать, чтѣ побуждало общество сочинять, во время Отечественной войны,

различныя басни про Платова, но сочинялись эти басни не въ ма-
ломъ числѣ; нѣкоторые рассказы объ его небывалыхъ похожденіяхъ
перешли и въ народъ. Въ концѣ 1812 года, когда гнали Наполеона,
распространилась молва, что Платовъ обѣщалъ отдать замужъ
свою дочь за того, кто захватить Наполеона, хотя бы этотъ
счастливецъ былъ самый простой человѣкъ, напримѣръ, солдатъ,
крестьянинъ или казакъ. По поводу означенного заявленія Пла-
това была составлена аллегорическая картина. Къ сожалѣнію, мы
не помнимъ подробностей аллегоріи.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ, относящихся ко
времени Отечественной войны, слѣдующая:

Раззорена путь-дорожка
Отъ Можайска до Москвы.
Еще кто ее ограбиль?
Непріятель воръ-французы.
Раззоримши путь-дорожку,
Въ свою землю жить пошелъ,
Въ свою землю жить пошелъ,
Ко Парижу подошелъ.

Къ новѣйшему времени относятся пѣсни о Паскевичѣ, Дибичѣ
и различныхъ сраженіяхъ, происходившихъ въ царствованіе импе-
раторовъ отъ Павла I до Николая I включительно. Пѣсни эти не
выдерживаютъ ни малѣйшей критики, съ точки зрѣнія народнаго
творчества. Онѣ не даютъ ни одной черты, которая хотя сколько
нибудь опредѣляла бы внутреннія свойства нашего солдата. Солдатъ
поетъ ихъ совершенно механически, безъ малѣйшаго участія сердца,
какъ онъ самъ говоритъ: «Велять пѣть веселешенько, а на душѣ-то
у насъ тошнешенько».

Наборъ словъ, въ родѣ слѣдующаго, встрѣчается во всякой
пѣснѣ въ упомянутый періодъ времени:

Графъ Паскевичъ генераль
Долго не спалъ, не дремалъ,
Свою силу снаряжалъ.

Или:

Какъ пошли наши ребяты,
Наши храбрые солдаты,
Глупыхъ турокъ колотить,
Уму-разуму учить.

Замѣтимъ также, что всѣ эти дѣланныя пѣсни переходятъ изъ
одного царствованія въ другое, почти безъ всякихъ перемѣнъ въ
содержаніи, съ перемѣнной лишь именъ: вмѣсто, напримѣръ, Дибича
ставится Паскевичъ, отъ чего существо дѣла нисколько не измѣ-
няется, ибо пустой наборъ словъ примѣнимъ ко всякому лицу.
Настоящее принадлежитъ исторіи, не наступившей еще для на-
шего времени, слѣдовательно можно только думать и гадать, въ ка-

кихъ пѣсняхъ проявится современный солдатъ, бывшій на Кавказѣ, при окончательномъ его покореніи, совершившій походъ въ Болгарію, участвовавшій въ текинской войнѣ; не болѣе какъ только можно думать и гадать, какимъ образомъ отнесется нашъ солдатъ къ своимъ полководцамъ, стоявшимъ во главѣ армій въ упомянутыя войны. Въ высшей степени интересно также было бы предугадать воззрѣніе солдата на Скобелева. Какъ поймутъ его войско и народъ и какое нравственное мѣрило приложатъ къ этой, во всякомъ случаѣ, замѣчательной личности.

Существуютъ дѣланныя, искусственные пѣсни и о крымской войнѣ. Всѣ онѣ ниже упоминанія. Въ плохомъ сборникѣ Троцкаго-Сенютовича приведены также пѣсни о послѣдней турецкой войнѣ, совершенно пустыя по содержанію и столько же солдатскія, сколько п дворянскія или какія угодно.

Войско, принимавшее участіе въ послѣдней войнѣ, должно сначала многое переработать во внутреннемъ своемъ мірѣ, прежде чѣмъ дастъ волю своему творчеству.

Для рифмоплетовъ и квасныхъ патріотовъ такая духовная переработка совершенно не нужна. Имъ нуженъ только языкъ, который, какъ извѣстно, безъ костей. Какъ кстати, напримѣръ, прилагается къ крымской войнѣ слѣдующая пѣсня, когда мы были такъ чувствительно побиты:

Что французы, англичане,
Что турецкій глупый строй!
Выходите, басурмане,
Вызываємъ васъ на бой.

При этой пѣснѣ имѣется помѣтка, что слова ея принадлежатъ князю М. Д. Горчакову, чemu охотно вѣримъ, сохраняя убѣжденіе, что никакъ не солдату. Въ сказкахъ и сказаніяхъ, которыхъ коротко коснемся, солдатъ рисуется человѣкомъ необыкновенно смѣшленькимъ, ловкимъ; онъ многое знаетъ, много видалъ и испыталъ на своемъ вѣку; его ничѣмъ не удивишь; солдатъ въ сказкахъ выходитъ съ торжествомъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Онъ лѣчитъ больныхъ царей, царевенъ, когда всѣ отказываются отъ подобнаго дѣла; попадаетъ въ рай, не смотря на то, что нѣкоторые святые, какъ, напримѣръ, апостоль Петръ, царь Давидъ, непускаютъ его въ царство небесное за грѣхи, имъ совершенные; но онъ доказываетъ, что никогда не отрекался отъ Христа, какъ Петръ, и никогда не похищалъ чужой жены, убивъ ея мужа, какъ царь Давидъ. Ни жидъ, ни цыганъ, эти всесвѣтные плуты, не могутъ надуть солдата. Мало того, солдатъ не боится самого черта, который волей не волей подчиняется солдату и исполняетъ всѣ его желанія.

Счастливый случай выручаетъ служиваго, если онъ не можетъ своимъ умомъ выйтти изъ труднаго положенія. Солдатъ продаль

душу чорту, но судьба выручетъ его, и чортъ остался безъ солдатской души. Такъ въ одной сказкѣ говорится: стоялъ солдатъ на часахъ и захотѣлось ему на родинѣ побывать. «Хоть бы, говорить, чортъ туда меня снесъ!» А онъ тутъ какъ тутъ. «Ты, говорить, меня звалъ?» «Звалъ». «Изволь, говорить, давай въ обмѣнъ душу!» «А какъ же я службу брошу, какъ съ часовъ сойду?» «Да я за тебя постою». Рѣшили такъ, что солдатъ годъ на родинѣ проживетъ, а чортъ все время прослужитъ на службѣ. «Ну, скідавай!» Солдатъ все съ себя скинуль и не успѣль опомниться, какъ дома очутился. А чортъ на часахъ стоитъ. Подходить генераль и видѣть, что у него въ порядкѣ одного нѣтъ: не крестъ на крестъ ремни на груди и всѣ на одномъ плечѣ. «Это что?» Чортъ и такъ и сякъ, не можетъ надѣть. Тотъ его въ зубы, а послѣ порку. И пороли чорта каждый день. Такъ хороший солдатъ всѣмъ, а ремни все на одномъ плечѣ. «Что съ этимъ солдатомъ, говорить начальство, сдѣлать? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало въ исправности». Пороли чорта весь годъ. Пропашель годъ, является солдатъ смѣнять чорта. Тотъ и про душу забылъ: какъ завидѣль солдата, все съ себя долой. «Ну, васъ, говорить, съ вашей и службой-то солдатской». И уѣжаль.

Кончивъ свой трудъ, выскажемъ, что настоящія солдатскія пѣсни, имѣющія содержаніемъ битвы и личности, руководившія этими битвами, являются только тогда, когда военная масса проникнется свѣтомъ образованія, ибо не иначе, какъ лишь при этомъ условіи, войско будетъ въ состояніи постигать причины возникновенія той или другой войны, сознавать всю важность историческихъ явленій, разрѣшать которыхъ ему придется на поляхъ сражений. Тогда въ пѣсняхъ солдата вилютятся всѣ его думы и помыслы, вся его душа. Не скоро творятся подобныя перерожденія, но начало имъ въ настоящемъ войскѣ положено, и именно какъ всесословной воинской повинностью и гуманной дисциплиной, такъ и тѣми заботами объ его образованіи, которыхъ составляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій царствованія государя-освободителя. Время невидимо творить свое дѣло, и наступить моментъ, когда лѣтописецъ войска на Руси съ чувствомъ высокой отрады, будетъ разсматривать различныя явленія творчества солдатъ, чего судьба не послала на нашу долю: намъ, современнымъ людямъ, остается благодарить Бога и за то, что мы видѣли, какъ новыя, свѣжія сѣмена были брошены державной рукой въ родную Русскую землю. И то немалое счастіе. Всходами же насладятся наши потомки, которымъ принадлежитъ будущее, со всѣми его радостями и страданіями, но, вѣроятно болѣе, съ радостями, чѣмъ со страданіями.

И. Бѣловъ.